

Л.В. Левшун (Минск, Беларусь)

«Традиционная книжность»: к вопросу о содержании и объеме понятия

Аннотация: Автор анализирует понятие «традиционная книжность» в научном дискурсе, отмечая неоправданно широкое, не терминологическое, а, скорее, метафорическое его использование. Причинами тому видятся: 1) произвольное представление об объеме и составе этого понятия, которое, в зависимости от области знаний, может отождествляться и с фольклорными произведениями, и с сакральными текстами, и со средневековой религиозной литературой в целом, и с литературой рефлексивного традиционализма, и с нарративами «готового слова», и т. д.; 2) понимание традиционализма как единой, однородной и монолитной, творческой системы, между тем как он предстает как минимум в трех своих модификациях: традиционно-канонической, консервационно-этикетной и имитационно-риторической.

Ключевые слова: традиционная книжность, рефлексивный традиционализм, канон, этикет, риторическая консервация, риторическая имитация

L.V. Levshun (Minsk, Belarus)

Traditional Bookishness: On the Issue of the Content and Scope of the Concept

Abstract: The author analyzes the concept of “traditional bookishness” in scientific discourse, noting its unreasonably wide, not terminological, but rather metaphorical use. The reasons for this seem to be: 1) an arbitrary idea of the scope and composition of this concept, which, depending on the field of knowledge, can be identified with folklore works, and sacred texts, and with medieval literature in general, and with the literature of reflective traditionalism, and with “ready word” narratives, etc.; 2) understanding of traditionalism as a single, homogeneous and monolithic creative system, while it appears in at least three of its modifications: traditional-canonical, conservation-etiquette and imitative-rhetorical.

Key words: traditional bookishness, reflective traditionalism, canon, etiquette, rhetorical conservation, rhetorical imitation

Научный спор часто прекращается, когда спорящие дают себе труд определиться в терминах, и выясняется, что либо они одно и то же явление называли разными именами и, значит, спор напрасен, либо они разные явления называли одним и тем же именем, и в таком случае спор беспредметен.

Именно определению терминов, с которыми мы работаем, и посвящены мои размышления.

Исследовательская литература о традиционной книжности обширна, многодисциплинарна и разнообразна, ибо, по справедливому замечанию С.Н. Лютова, «“книга” и “традиция” – два феномена, сочетание которых во многих случаях определяло культурную эволюцию человечества» [Лютов 2014: 7].

Примечательно, однако, то, что при столь высоком интересе к данному явлению в научном обиходе отсутствует сколько-нибудь четкая его дефиниция. Содержание и объем активно используемого понятия «традиционная книжность» не становились еще, как видится, предметом специального анализа и обсуждения. Вспоминается наблюдение А.В. Михайлова, сделанное им по поводу широкоупотребительной терминологии литературоведения: «Если зайти вглубь теории литературы в собственном смысле слова, – писал он, – то мы встречаем множество слов, начиная с какого-нибудь «метода» или «стиля», которые почти закрыты <...>. Между тем, у них есть своя история, и пришла пора, когда надо вот эту историю выводить на поверхность и узнавать» [Михайлов 2001: 213]. В противном случае, по замечанию А.В. Михайлова, происходит и закрепляется в научном сознании «обратное проектирование» смыслов – «“коррекция” или прямое искажение аутентичного смысла» как результат «о-своения как при-своения чужого» [Михайлов 2001: 248]. Поэтому Александр Викторович и утверждает в качестве «главного метода истории культуры как науки – обратный перевод постольку, поскольку вся история заключается в том, что разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально чуждые им культурные языки, часто с предельным переосмыслением их содержания. <...> надо учиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места» [Михайлов 2000: 16].

В ряд таких «закрытых слов», думается, с полным на то основанием мы можем поставить и словосочетание «традиционная книжность». В различных исследованиях его значение сильно разнится. Например, Г.П. Волгирева термином «традиционная кириллическая книжность» именуется «собрание источников, образованное в результате целенаправленной деятельности старообрядцев, приверженцев традиций древней русской культуры» [Волгирева 2002: 2].

И.П. Прядко к «традиционной книжности» относит «книги, отражающие исторический путь развития этносов, произведения, вошедшие в сокровищницу литературной классики, как национальной, так и мировой. В них закреплены значимые ценности, сохраняющиеся народным сознанием на протяжении веков» [Прядко 2019: 28], – и добавляет уточнение, по сути нивелирующее приведенную выше дефиницию: «<...> в традиционном культурном комплексе чтение было связано с корпусом текстов на церковнославянском языке. Содержание этих текстов, по общему мнению, было концентрированным выражением религиозных и культурных смыслов <...>. Традиционная книжность на церковнославянском языке была рукописной по форме своего бытования» [Прядко 2019: 34, 35] и т. д.

Но однозначного определения не имеет не только само это сложное понятие, но и его составляющие – «книжность» и «традиционность», которые также «почти закрыты» или выступают с разной степенью «искажения аутентичного смысла», как выразился А.В. Михайлов.

Понятие «книжность» в научном дискурсе. «Проблема исследования книги и книжной культуры, – отмечает Н.А. Симонова, – заключается в отсутствии единого толкования терминологического аппарата, соответствующего современ-

ным методологическим подходам в гуманитарных науках, <...> единой трактовки термина «книжность» нет; он не нашел закрепления в классических словарях и энциклопедических изданиях» [Симонова 2016: 82, 83]; ср. [Лютов 2014: 7] и др.

Н. Апухтина и В. Невелева полагают, что неоднозначность трактовки этого понятия свидетельствует о фундаментальности и многофункциональности книжности как в историческом аспекте, так и в современном социокультурном пространстве (см. [Апухтина 2012: 50]).

Л.Г. Иванова предлагает определять понятия «книжная культура» и «книжность» в контексте социологии культуры (см. [Иванова 2010: 40]). «Если исходить из понятия культура, – пишет она, – то книжность можно рассматривать как особую культурную форму, эволюционирующую под воздействием общих тенденций развития культуры и обладающую территориальной и социальной спецификой. Содержание книжности может быть понято как совокупность технологий, практикуемых в обществе по отношению к тексту. Эти технологии могут быть разбиты на писательские (творчески производительные), коммуникативные (трансляционные), потребительские (присеваемые)» [Иванова 2010: 42]. Вместе с тем исследовательница замечает: «...ранее (насколько «ранее» и кем? – Л.Л.) книжность представлялась как вид религиозной культуры» [Иванова 2010: 43], что заставляет вспомнить утверждение А.Н. Пыпина о том, что в древней Руси «настоящей книгой, заслуживающей внимания, считалась книга божественная и учительная» [Пыпин 1890: 162]. Следовательно, невозможно адекватно определить объем понятия «книжность», не выяснив, как исторически менялось его значение.

В словаре В. Даля основное значение слова «книга» определяется как «сшитые в один переплет листы бумаги или пергамента» [Даль 1905: 313]; в словаре Д.Н. Ушакова – как «печатное произведение (в старое время также рукопись) в форме сброшюрованных или переплетенных вместе листов с каким-н. текстом, иногда и рисунками» [Ушаков 1935: 1382]; в Большой советской энциклопедии – как «непериодическое издание в виде сброшюрованных листов печатного материала» [БСЭ: электронный ресурс]; в многочисленных разной специализации словарях значение слова «книга» также, как правило, исходит из представления о рукописи или печатном издании, состоящем из нескольких скрепленных вместе тетрадей. Но поскольку «для славян, – как заметил В.Н. Топоров, – свет веры и свет книги, принятие христианства и обретение письменности совпали во времени» [Топоров 1995: 54], наиболее логичным, думается, будет обращение к старославянским и древнерусским текстам, в которых раскрывается аутентичное значение понятия «книжность».

В старославянских и древнерусских текстах данное понятие передается через лексему *книгы* в форме *pluralia tantum*. Заметим, приведенные выше словарные статьи лишь отчасти объясняют эту специфическую форму, поскольку, с точки зрения культурной эволюции человечества в книге главное не то, что она состоит из множества тетрадей и листов, а то, что в ней содержится некая совокупность каким-то образом взаимосвязанных текстов.

Сама лексема *книгы* (этимология которой до сих пор окончательно не выяснена, см. [Фасмер 2004: электронный ресурс]) есть созданная, вероятно свв. Кириллом и Мефодием, калька древнегреческого βιβλια (форма множественного числа существительного βιβλος – кора папируса, бумага из папируса, книга). И, значит, самый ранний книжный комплекс в древней Руси включал переводы библейских и богослужебных текстов, выполненные Кириллом и Мефодием: «Мефодии же посади 2 попа скорописца зело и преложи вся *книги* исполнь от гречьска языка въ

словенеск», – читаем в Лаврентьевской летописи под 898 годом. Причем, составляя *книги*, чтобы исполнить повеление Господне «оувѣрити и законъ дати» славянам, первоучители руководствовались, разумеется, не личными предпочтениями, но предписаниями существовавших в то время типиконов. И именно типикарные *книги* составили ядро восточнославянской книжности, сформировавшееся сразу после крещения Руси. Постепенно вокруг этого ядра образовался круг произведений, поясняющих, дополняющих и иллюстрирующих библейские тексты, элементы богослужения и основные положения христианского вероучения.

Эта первоначальная книжная программа четко выражена самими славянскими первоучителями; в частности, в так называемом «Прогласе» (или «Пригласии святоуоумоу Евангелию») св. Кирилла Философа читаем: «...**доуша вьсѣка без боукъвь¹, не свѣдушти ни закона Божия, закона иже на грѣховънааго, закона, раи Божии явл'яюшта <...>. Паче же сего доуша безбоукъвьна явл'яеть ся въ чловѣцѣхъ мрътва <...>. Тако доуша вьсѣка опадаеть, жизни Божия не имушти до вѣка, егда словесе Божия не слышитъ <...>. **Нази бо вьси бес кьн'игъ язъци, брати ся не могуште без оружия съ противьникомъ доушь нашихъ <...>. Тврѣдо нын'я оружие имуште, еже ковуть кьн'игы Господн'я...**» (стихи 31–34, 41–42, 62–64, 80–82, 87–88; цит. по [Топоров 1995: 33–36]). Эта программа сохраняется в сознании древнерусских книжников вплоть до Нового времени. Например, в Повести временных лет читаем: «Иже бо **книги** часто чететь, то **беседуетъ с Богомъ или святыми мужи; почитая пророческыя беседы и Еуангельская ученья, и апостолская, и житья святых отец**, въсприемлетъ души велику ползу» [ПВЛ, 1037]. Нил Сорский (XV в.) в «Послании брату, просившему от него написати ему еже на пользу душе» перечисляет те же книги: «Прежде **заповеди Господня и толкованна их и апостольская преданна, таже и житиа, и учение святых отец**». Тот же круг чтения называет «книгами» и Аввакум Петров (XVII в.). Различает творения древнерусских книжников и произведения изящной словесности, «зародившейся вдруг, без предков и родословной» в XVIII в., А.С. Пушкин [Пушкин 1978: 156]. В художественном же каноне христианской культуры эта книжная программа зафиксирована в святоотеческой иконологии (учении об образе).**

Словесные произведения иного содержания и иных целей назывались в культуре *slavia orthodoxa* иначе и противопоставлялись понятию «книги»: так еще Козма Презвитер в «Беседе на новоявившуюся ересь Богомилоу» (2-я пол. X в.) писал: «мнози бо от человек <...> **кощунуны и бляда** любят паче книгъ» (цит. по [Бегунов 1973: 440]). В статье одного из «Златоструев» это противопоставление усилено: «**Кощунуны, басни, и игры, и блядословия** у многих обретаем; **книги** же – у редких, нъ и ти, подобно неимущим, держат я, похоронивше въ ларех: ни сами почитающе, ни инем дающе» (цит. по [Срезневский 1983: стб. 1392]). В статье Новгородской Кормчей 1280 г. книжному учению противопоставлены «**чары и лечьбы, коби или игры, дивы <...> басни**» (цит. по [Срезневский 1983: стб. 1392]). «Да не почитают первописаных **блядии и кощюн**, – поучает составитель «Мучения св. Кирика и матери его Улиты» (1414 г.), – но истинное да почитають о Христе Господе нашем» [Срезневский 1983: стб. 123] и т. д.

Анализ словоупотребления лексемы «книги» в древнерусских произведениях дает возможность четко обозначить объем и состав этого понятия: оно включает произведения церковно-литургического и церковно-назидательного характера, из-

¹ В кирилло-мефодиевском круге книг понятия «буки» и «книги» часто употреблялись как синонимичные.

лагающие и толкующие христианское вероучение. И именно этот комплекс произведений и следует именовать книжностью, когда речь идет о восточнославянской культуре слова. Произведения иного содержания и целеполагания правильнее, думается, обозначать понятием «литература», куда включаются «басни», «кошюны», «блядии», «коби» и т. п. И очевидно, что при таком раскладе формулировка «литературные памятники традиционной книжности», часто встречающаяся в исследованиях, являет собой оксюморон.

Об определении «традиционная» в отношении книжности. Очевидно, что понятие «традиционная книжность» должно бы рассматриваться в семантическом поле понятия «традиционная культура». Однако эта последняя чаще всего отождествляется с культурой традиционного общества, а она, в свою очередь, с народной культурой, которая, как правило, является неписьменной (запись фольклорных произведений – дело не самого народа, а ученых, исследующих его культуру).

Существуют и более глубокие, сущностные трактовки понятия «традиционная культура»; например, «такой способ бытия общества, в котором трансляция ценностно-смысловых структур преобладает над передачей культурных технологий <...>. Внешними признаками традиционной культуры является опора на сакральные тексты» [Тимошук 2007: 7]. Последние, как мы уже выяснили, составляют ядро восточнославянской книжности.

Относительно словесных произведений этот способ «трансляция ценностно-смысловых структур» был определен как «рефлексивный традиционализм». Этим термином С.С. Аверинцев обозначил «*риторического* типа <...> культуру, которая основывается на *готовом слове* и пользуется только им»; в свою очередь ««готовое слово» характеризует в общем виде метафизическую, иначе говоря – риторическую, иначе говоря – моралистико-казуистическую культуру» [Аверинцев 1991: 11], которая, по мнению исследователя, жила очень долго и была разрушена лишь в эпоху романтизма. Таким образом, понятия словесной культуры риторического типа и словесной культуры рефлексивно-традиционалистского типа С.С. Аверинцевым были фактически отождествлены: «Общий принцип такого рода литературы я позволил себе назвать *риторическим*, что в предлагаемой терминологической системе *равнозначно* понятию *рефлексивного традиционализма*» [Аверинцев 1986: 112]. В научном обиходе оба термина стали употребляться как полные синонимы. Медиевисты безусловно интерполировали их на восточнославянскую средневековую культуру слова, представляя ее, таким образом, однородно «риторической», или «рефлексивно-традиционалистской» (см. [Сазонова 1991: 30–31]). Между тем сам С.С. Аверинцев почти сразу по введении нового термина заметил, что кроме рефлексивного традиционализма существует еще и традиционализм дорефлексивный (правильнее, думается, называть его *арефлексивным*), причем «переход от дорефлексивного традиционализма к рефлексивному традиционализму не может охватить всю сумму жанров и тем более конкретных произведений», полагает исследователь [Аверинцев 1986: 112]. Так что оба эти способа «трансляции ценностно-смысловых структур» сопутствуют друг другу.

Показательно, что к такому замечанию привели С.С. Аверинцева наблюдения над «странностями» именно культовой словесности (см., напр., [Аверинцев 1986: 106–107; Аверинцев 1989: 19–20]), которая ведет себя одновременно и как рефлексивно-традиционалистская, и как арефлексивная. Например, с одной стороны, в ней как будто существует четко отрефлексированная жанровая система с непреложной строгостью художественных канонов; с другой – эти жанры и их каноны «не

просто иные», отличные от жанров светской литературы, но «в другом смысле жанры» [Аверинцев 1986: 107], как и сама эта культовая «литература» «в ином смысле художественная литература (одно логически вытекает из другого)» [Аверинцев 1986: 107], которая «должна быть внимательно изучаема, но иными методами», чем литература светская [Аверинцев 1989: 20].

Таким образом, приходится признать, что в синхронии одной и той же традиционной культуры (в данном конкретном случае – византийской, но то же самое, как, впрочем, отмечает и сам исследователь, относится и к древнерусской) сосуществуют и арефлексивный, и рефлексивный традиционализмы. Причем граница арефлексивности / рефлексивности очевидно не совпадает с границей сакральности / секулярности. Например, знаменитый «Акафист Богородице» возник, как возникают произведения дорефлексивно-традиционалистской культуры, – в «соотнесенности с общим принципом обрядового оформления жизни» [Аверинцев 1989: 20], а уже позже культура – та же самая византийская христианская культура – на основании инициированной этим Акафистом традиции отрефлексировала канон акафиста как жанра и определила его «место внутри культового комплекса текстов»¹ [Аверинцев 1986: 106].

Вместе с тем очевидно, что арефлексивный традиционализм фольклора, сосуществующего с письменной культурой слова, разительно отличается от арефлексивного же традиционализма культовой христианской книжности: «жанр» фольклорного величания в такой же мере «в другом смысле жанр» по сравнению с «жанром» стихир, как этот последний – «в ином смысле жанр» по сравнению с «жанром» византийской эпиграммы (см. [Аверинцев 1986: 106–107]).

Таким образом, приходится признать, что 1) критерий рефлексивности / неререфлексивности для определения содержания и объема понятия «традиционная культура» оказывается весьма размытым, поскольку само возникновение культа есть результат определенной рефлексии²; и положение, как видится, осложняется еще и тем, что рефлексия в христианском искусстве отнюдь не всегда эксплицируется (сопровождается письменной фиксацией в виде «пособий» и «руководств»), оставаясь имманентной памятникам книжности.

2) Традиционализм не однороден даже в сфере «традиционной книжности» (что бы мы ни обозначали этим понятием): по выражению С. С. Аверинцева, «традиционализм традиционализму рознь» [Аверинцев 1986: 106].

3) Определение «рефлексивный традиционализм» в известном смысле является оксюмороном, поскольку отрефлексированная традиция отнюдь не гарантирует преобладание «трансляции ценностно-смысловых структур над передачей культурных технологий», скорее, наоборот, культурные технологии – как результат рефлекс-

¹ Точно так же возникли «Илиада» и «Одиссея», а уж потом культурой были «отрефлексированы» признаки эпического жанра. Ср., напр.: [Белинский 1978: 318].

² Напомню: по мнению, к примеру, Дж.Дж. Фрэзера, даже магия периода дикости рассматривается как результат известной рефлексии: «Если подвергнуть анализу немногие примеры симпатической магии, – пишет исследователь, – <...> то <...> обнаружится, что они являются неправильными применениями одного из двух фундаментальных законов мышления, а именно ассоциации идей по сходству и ассоциации идей по смежности в пространстве и времени. Гомеопатическую, или имитативную, магию вызывает к жизни ошибочное ассоциирование идей сходных, а магию контактиозную – ошибочное ассоциирование идей смежных. Сами по себе эти принципы ассоциации безупречны и абсолютно необходимы для функционирования человеческого интеллекта. Их правильное применение дает науку, их неправильное применение дает незаконнорожденную сестру науки – магию... Признание присущей магии ложности и бесплодности побудило мыслящую часть человечества заняться поисками более истинной теории... перейти от магии к религии» [Фрэзер 1980: 62, 70, 72].

сии – занимают все более значимое место в творческом процессе рефлексивно-традиционной культуры.

При этом очевидно, что характер традиционности зависит, прежде всего, от направления творческой рефлексии: направлена она на сущность или же на явление изображаемого объекта. Разная направленность рефлексии создает разные традиционности: *традиционность смысла* и *традиционность формы*. Им соответствуют две хорошо изученные в медиевистике (хотя, как правило, отождествляемые исследователями) формы сохранения творческого императива: *канон* и *этикет*.

Рефлексиование по поводу сущности (идеи, логоса, внутреннего эйдоса, энтелехии и т.п.) изображаемого объекта ориентируется на выражение его смысла. Но и смысловая рефлексия неоднородна: одно дело, когда книжник ориентируется на, так сказать, *динамический смысл изображаемого*, который открывается не всем одинаково, но в меру способностей адресата воспринять его. А поскольку эта мера у каждого своя и, значит, смысл в каждом отдельном случае свой, то понятно, что «готовое слово» при описании динамического смысла утрачивает «готовность» своей семантики.

В этом типе традиционализма форма выражения имеет значение условно знаковое (как лампочка для собаки Павлова): она должна соответствовать, с одной стороны, характеру¹ художника, с другой – характеру адресата и, согласно христианской теории образа, не только может, но должна изменяться в соответствии с изменением их характеров. И это – принципы *художественного канона христианской культуры*. Павел Флоренский в свое время точно подметил: «Каноническая форма – это форма наибольшей естественности, то, проще чего не придумаешь, тогда как отступления от форм канонических стеснительны и искусственны» [Флоренский 1993: 72]. Традиционность художественного канона предполагает *единство творческого метода* творящего здесь и сейчас художника, с одной стороны, и того образца, на который художник ориентируется, с другой, при полной свободе стиле-жанровых модификаций. Поэтому традиционность христианского художественного канона не нуждается в какой бы то ни было материализации своих законов, будь то гомилетические правила или прориси Подлинника. Появление такого рода «пособий для творчества» свидетельствует об угасании традиции, то есть о забвении творческого метода, которым эта традиционность поддерживается.

Совсем иное, когда автор стремится выразить некий «готовый смысл», который мыслится «где-то за пределами мироздания, в некоем умопостигаемом месте» [Аверинцев 1991: 11] и оформляется в «готовом слове» – вкладывается в него, как в свой собственный «фуляр», так что «готовое слово» предполагает здесь смысл не просто «готовый», а еще и *статично* «готовый», и *неизменный*, и даваемый каждый раз *целиком и полностью*, что фактически отождествляет форму и содержание изображения, порождая явление *«литературной консервации»*. Традиционность «литературной консервации» предполагает *воспроизведение творческого метода и художественного смысла образца через воспроизведение его (образца) выразительных форм*, поскольку смысл изображаемого и форма изображения смысла в данном виде традиционности не различаются. Традиционность «литературной консервации» направлена на закрепление, утверждение и сохранение нормативистского соответствия «готового слова» и «готового смысла». В связи с этим такая традиционность *обязательно требует* скрупулезной кодификации выразительных

¹ Здесь 'характер' – как «отпечаток» идеального «подобия» на материи, согласно иконологической концепции преп. Феодора Студита.

форм. Поэтому именно в консервативном типе традиционной культуры происходит «системная формализация мыслительного процесса и словесного творчества при помощи таких правил, которые формулируются эксплицитно и в общей форме» [Аверинцев 1991: 5–6], что и есть собственно *этикет*.

Вместе с тем рефлексирование по поводу формы изображаемого объекта ориентировано на такое «готовое слово», использование которого ведет к отрыву формы от смысла, к тому, что можно определить как «*риторическая имитация*». Это уже не совсем традиционное творчество, ибо автор пытается *воспроизвести изобразительные формы образца в ином*, не порождающем для данных изобразительных форм *творческом методе*. Именно поэтому имитируемые жанр и стиль являются для чуждого им творческого метода как некоторые границы, за которые непонятно почему, но категорически запрещено выступать, дабы соблюсти «законы» (традицию) образца. И хотя имитация основывается на вполне конкретных предписаниях этикета (литературного, иконописного, придворного и т. д.), одним из характернейших ее признаков является необходимость «разбить», «сломать», «преодолеть» или хотя бы просто «*выйти за рамки*» *этикетных изобразительных форм*, на что часто указывают исследователи. Так что имитационная традиционность есть по сути *стадия ломки этикета* и традиционности как вида творчества.

Эта парадоксальная необходимость «преодолеть» образец, изо всех сил подражая ему, вызывается (и объясняется) тем, что «свои», т. е. порождаемые данным творческим методом, жанры и стили, стремятся ассимилировать «чужаков», подчинить их закону своего метода, своего смысла, вследствие чего неизбежно деформируются не только аутентичный смысл, но даже и изобразительные формы образца: «жанровый мундир» (Д.С. Лихачев) с чужого плеча всегда либо жмет (и тогда исследователи констатируют попытку «выйти за пределы» и «вырваться за рамки» традиционных форм, чего в традиционной культуре нет и быть не может!); либо чужой «жанровый мундир» слишком свободен (и тогда приходится заполнять пустоты «извитием и сытостью словес», как выразился Епифаний Премудрый, декоративностью барокко и т. д.).

Таким образом, приходится признать, что используемое в современном научном дискурсе понятие «традиционная книжность» включает, по меньшей мере четыре вида словесного творчества: 1) *арефлективное*, преобладающее в фольклоре, а наряду с ним – отрефлексированные культурой такие, как: 2) *каноническое*, которым руководствуется «книжность» (и в этом случае формулировка «традиционная книжность» является тавтологией); 3) *литературно-консервативное*, порождающее литературно-этикетные произведения; 4) *риторически-имитационное*, представляющее первую фазу системного перехода от традиционалистско-этикетной поэтики к поэтике художественной модальности, когда в «старые» (традиционные) формы вкладывается «новое» (индивидуально-творческое) содержание.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1991 – *Аверинцев С.С.* Античная риторика и судьбы античного рационализма // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М.: Наука, 1991. С. 3–28.

Аверинцев 1986 – *Аверинцев С.С.* Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения: Сб. статей / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1986. С. 104–116.

Аверинцев 1989 – *Аверинцев С.С.* Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // *Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы*; АН ССР, Ин-т мировой лит. имени А.М. Горького. М.: Наука, 1989. С. 3–25.

Апухтина 2012 – *Апухтина Н.Г., Невелева В.С.* Феномен книжности: философско-культурологическое осмысление истории и современного состояния // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2012. № 1(29). С. 48–50.

Белинский 1978 – *Белинский В.Г.* Разделение поэзии на роды и виды // *Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3: Статьи, рецензии, заметки. Февраль 1840 – февраль 1841.* М.: Худ. лит., 1978. С. 294–350.

Бегунов 1973 – *Бегунов Ю.К.* Козма Пресвитер в славянских литературах. София: Изд. Болгарской АН, 1973. 560 с.

БСЭ: электронный ресурс – Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. М.: Совет. энцикл., 1969–1986. ил., карт.: www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/062/128.htm (дата обращения: 08.12.2021).

Волгирева 2002 – *Волгирева Г.П.* Традиционная книжность Прикамья XVI – начала XX вв. как источник для изучения духовной культуры: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002. 25 с.

Даль 1905 – Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4 т.] / [соч.] Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 2: И–О. СПб. ; М.: Т-во М.О. Вольф, 1905. [2], 2030 стб.

Иванова 2010 – *Иванова Л.Г.* Книжная культура, книжность: к определению понятия // *Вестник Пермского государственного технического университета. Культура, история, философия, право*. 2010. № 2. С. 40–47.

Люттов 2014 – *Люттов С.Н.* Традиции книжности в современных интерпретациях // *Вестник челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2014. № 3(39). С. 7–12.

Михайлов 2001 – *Михайлов А.В.* Несколько тезисов о теории литературы. Стенограмма доклада, сделанного 20 января 1993 года на заседании Научного совета ОЛЯ РАН «Теория и методология литературоведения и искусствознания // *Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре».* Памяти Александра Викторовича Михайлова посвящается. М. : Наследие, 2001. С. 201–279.

Михайлов 2000 – *Михайлов А.В.* Судьба классического наследия на рубеже XVIII–XIX вв. // *Обратный перевод. М.: Языки рус. культуры*, 2000. С. 14–33. – (Язык. Семиотика. Культура).

Прядко 2019 – *Прядко И.П.* Чтение и традиционная книжность в восприятии современных россиян: по материалам социологического опроса // *Социодинамика*. 2019. № 1. С. 27–41.

Пушкин 1978 – *Пушкин А.С.* Наброски статьи о русской литературе // *Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7: Критика и публицистика.* Л.: Наука, 1978. 517 с.

Пыпин 1890 – *История русской этнографии* / [соч.] А.Н. Пыпина. Т. 1: *Общий обзор исследований народности и этнография великорусская.* СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 424 с.

Сазонова 1991 – *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М.: Наука, 1991. 262 с.

Симонова 2016 – *Симонова Н.А., Смольникова Н.С.* Книжность как концепт культуры // *Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования.* Екатеринбург. 2016. № 2(18). С. 83–86.

Срезневский 1983 – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1: А–К. СПб.: Тип. импер. Академии наук, 1893. IX с. + 1420 стб. + 49 с.

Тимощук 2007 – Тимощук А.С. Традиционная культура: сущность и существование: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. Н. Новгород, 2007. 46 с.

Топоров 1995 – Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис, Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.

Ушаков 1935 – Ушаков Д.Н. Толковый словарь: В 4 т. Т. 1: А–кюрины. М.: ОГИЗ, 1935. 1562 стб.

Фасмер 2004 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch; пер и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. Т. 2. М.: Астрель, АСТ, 2004. 671 с.: lexicography.online/etymology/%D0%BA/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0 (дата обращения: 10.01.2021).

Флоренский 1993 – Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил; Русская книга, 1993. С. 1–173.

Фрэзер 1980 – Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Полигиздат, 1980. 831 с.

REFERENCES

Averintsev 1991 – Averintsev S.S. Antique Rhetoric and the Fate of Ancient Rationalism. In: Ancient Poetics. Rhetorical Theory and Literary Practice. Moscow. Nauka Publ. 1991, pp. 3–28.

Averintsev 1986 – Averintsev S.S. Historical Mobility of the Genre Category: The Experience of Periodization. In: Historical Poetics: Results and Perspectives of Studying: Collection of Articles / USSR Academy of Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature. Moscow. Nauka Publ. 1986, pp. 104–116.

Averintsev 1989 – Averintsev S.S. Genre as Abstraction and Genres as Reality: The Dialectic of Closedness and Openness. In: The Relationship and Mutual Influence of Genres in the Development of Ancient Literature / USSR Academy of Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature. Moscow. Nauka Publ. 1989, pp. 3–25.

Apukhtina 2012 – Apukhtina N.G., Neveleva V.S. The Phenomenon of Bookishness: Philosophical and Cultural Understanding of History and the Current State. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2012. No 1(29), pp. 48–50.

Belinsky 1978 – Belinsky V.G. The Partition of Poetry into Kinds and Types of Literature. In: Belinsky V.G. Collected Works: In 9 vols. Vol. 3: Articles, Reviews, Notes. February 1840 – February 1841. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1978, pp. 294–350.

Begunov 1973 – Begunov Yu.K. Cosmas the Presbyter in Slavic Literatures. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Press. 1973. 560 p.

GSE Electronic Resource – Great Soviet Encyclopedia: In 30 vols. 3rd ed. Moscow. Soviet Encyclopedia Publ. 1969–1986: www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/062/128.htm (date accessed: 08.12.2021).

Volgireva 2002 – Volgireva G.P. (2002) Traditional Bookiness of the Kama Region in the 16th – early 20th cs. as a Source for the Studying of Spiritual Culture: Synopsis. Moscow. 25 p.

Dal 1905 – Dal's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: [In 4 vols.]. 3rd ed., corrected and considerably enlarged, ed. [and with a preface] by Professor I.A. Baudouin de Courtenay. Vol. 2: И–О. St. Petersburg; Moscow. M.O. Wolf's Partnership Publ. 1905. [2], 2030 co.

Ivanova 2010 – Ivanova L.G. Book Culture, Bookishness: To the Definition of the Concept. *Bulletin of the PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2010. No 2, pp. 40–47.

Lyutov 2014 – Lyutov S.N. Traditions of bookishness in contemporary interpretations. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2014. No 3(39), pp. 7–12.

Mikhailov 2001 – Mikhailov A.V. Several Theses about the Theory of Literature. Transcript of the report made on January 20, 1993 at the meeting of the Scientific Council of the Department of Literature and Language RAS “Theory and Methodology of Literary and Art Studies”. In: *Literary Studying as a Problem. Proceedings of the Scientific Council “The Literary studying in the Context of the Sciences of Culture”*. Dedicated to the memory of Alexander Viktorovich Mikhailov. Moscow. Nasledie Publ. 2001, pp. 201–279.

Mikhailov 2000 – Mikhailov A.V. The Fate of the Classical Heritage at the turn of the 18th–19th cs. In: *Reverse Translation*. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 2000, pp. 14–33.

Pryadko 2019 – Pryadko I.P. Reading and Traditional Bookishness in the Perception of Modern Russians: Based on Sociological Survey Materials. *Sociodynamics*. 2019. No 1, pp. 27–41.

Pushkin 1978 – Pushkin A.S. Outline of an Article on Russian Literature. In: Pushkin A.S. *Collected Works: In 10 vols. Vol. 7: Criticism and Journalism*. Leningrad. Nauka Publ. 1978. 517 p.

Pupin 1890 – История русской этнографии / A.N. Pupin [Works]. Vol. 1: General Overview of Studies of Nationality and Great Russian Ethnography. St. Petersburg. M.M. Stasyulevich Printing House. 1890. 424 p.

Sazonova 1991 – Sazonova L.I. (1991) Poetry of the Russian Baroque (second half of the 17th – early 18th cs.). Moscow. Nauka Publ. 262 p.

Simonova 2016 – Simonova N.A., Smolnikova N.S. Books as a Concept of Culture. *Man in the World of Culture. Regional Cultural Studies*. Yekaterinburg. 2016. No 2(18), pp. 83–86.

Sreznevsky 1883 – Sreznevsky I.I. Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments. Vol. 1. A–K. St. Petersburg. Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1883. IX p. + 1420 co. + 49 p.

Tymoshchuk 2007 – Tymoshchuk A.S. (2007) Traditional Culture: Essence and Existence: Synopsis. Nizhny Novgorod. 46 p.

Toporov 1995 – Toporov V.N. (1995) Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. Vol. I: The first century of Christianity in Rus. Moscow. Gnosis Publ.; School “Languages of Russian Culture”. 875 p.

Ushakov 1935 – Ushakov D.N. Explanatory Dictionary: In 4 vols. Vol. 1: A–кюрины. Moscow. Association of State Book and Magazine Publishing Houses. 1935. 1562 co.

Vasmer 2004 – Vasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. / Transl. from German = Russisches etymologisches Wörterbuch; translation and additions by O.N. Trubachev. 4th ed., stereotyped. Vol. 2. Moscow. Astrel, AST Publ. 2004. 671 p.: lexicography.online/etymology/%D0%BA/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0 (date accessed: 10.01.2021).

Florensky 1993 – Florensky P.A. Iconostasis. In: Florensky P.A. *Iconostasis. Selected Works Regarding Art*. St. Petersburg. Mifril, Russkaya Kniga Publ. 1993, pp. 1–173.

Frazer 1980 – Frazer J.G. (1980) *The Golden Bough* / Transl. from English by M.K. Ryklin. Moscow. Politizdat Publ. 831 p.

Сведения об авторе:

Любовь Викторовна Левшун,
доктор филол. наук
доцент
Минский государственный лингвистический
университет

Lyubov V. Levshun,
Doctor of Philology
Associate Professor
Minsk State Linguistic University

llb55@mail.ru